

Теоретические дискурсы и дискуссии

DOI: 10.19181/inter.2024.16.3.1

EDN: SZLGZM

Состояние постиндустриальности: «власть заводов»

Ссылка для цитирования:

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Состояние постиндустриальности: «власть заводов» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 3. С. 10–32. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.3.1> EDN: SZLGZM

For citation:

Veselkova N. V., Pryamikova E. V. (2024) The State of Post-Industrialty: The "Power of Factories". *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 3. P. 10–32. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.3.1>

Веселкова Наталья Вадимовна

Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

E-mail: vesselkova@yandex.ru

Прямикова Елена Викторовна

Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

E-mail: pryamikova@yandex.ru

Постиндустриальное и индустриальное сегодня присутствуют и в малых, и в средних российских городах. В некоторых из них заводы продолжают работать, но уже не могут обеспечить всех горожан в силу автоматизации и других процессов. В других городах предприятия прекратили свое существование, но заброшенные заводские пространства рассматриваются жителями как места, где должен появиться новый завод, то есть исключительно в контексте индустриальности. Постиндустриальное проявляется в повышении требований населения к разнообразию мест работы и отдыха, к безопасности рабочих мест, к экологической обстановке, к комфорту жизни,

доступу к самым различным ресурсам. В результате городское пространство приобретает маргинальные характеристики: новые заводы не появляются, участки земли остаются заброшенными, туризм, креативные проекты присутствуют, но пока не становятся определяющими для поселений.

Теоретическая рамка отсылает к подходу производства пространства А. Лефевра и исследованиям маргинального пространства. На протяжении десяти лет мы исследовали небольшие российские города. В статье использованы материалы 2018–2023 годов, полученные методами малоформализованных мобильных и стационарных интервью, групповых дискуссий, наблюдения и фотомэппинга, ментальных карт, а также методика «капсул времени». Цель статьи — представить наблюдения о сочетании сохраняющейся «власти заводов» и проявляющихся ростков креативности и туризма как признаков постиндустриальности.

Ключевые слова: индустриальное; постиндустриальное; «власть заводов»; экология; маргинальность

В середине 1950-х годов старый Добрянский завод был демонтирован, остатки ушли под воду при затоплении территории для Камской ГЭС. В 1975 году под Добрянкой началось строительство Пермской ГРЭС, которая заработала в 1986 году ГРЭС символизирует наступление «новой индустриальности», но и старая остается значимой. Некоторые конструкции, как рассказывают жители Добрянки, иногда можно рассмотреть сквозь воду, а то и над ней. Таким в ходе наших исследований предстает наблюдаемое состояние постиндустриальности: отживший, как кажется, свое — и даже спрятанный под воду — прежний социокультурный паттерн продолжает «выпирать», значимо присутствуя в жизни города.

Площадкой наших изысканий на протяжении более десяти лет выступали небольшие российские города. В статье использованы материалы 2018–2023 годов¹, полученные методами малоформализованного мобильного и стационарного интервью, групповых дискуссий, фотомэппинга, ментальных карт (информантов просили нарисовать свой город) и «капсул времени»².

¹ «Масштабирование социальной памяти поколений в городах “старой” и “новой” индустриальности» (2018–2020 гг., РФФИ № 18–011–00456); «Траектории мобильности трудоспособного населения малых и средних моногородов различного профиля» (2018–2020, РФФИ № 18–011–00457); «Мечты и память: нарративные ландшафты небольших уральских городов (1960–1980)» (2021–2022, РФФИ № 21–011–43019); «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)» (2021–2023, РНФ 21–18–00418). Проекты реализовывались разными командами исследователей, при постоянном участии к.с.н. М. Н. Вандышева. Первые три проекта сфокусированы на уральском регионе, последний имеет общероссийский охват; в совокупности 26 городов. Опыт этих исследований нашел отражение в книгах: [Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2022; Веселкова, Граматчикова и др., 2022; Веселкова, Вандышев, и др., 2024], монография по музейному проекту в стадии доработки.

² «Капсулы времени» — методика, которую мы придумали и апробировали в проекте «Масштабирование социальной памяти поколений»: старшеклассников и студентов колледжей во время групповых дискуссий просили написать послание тем, кто будет здесь жить через сто лет [Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2022: 159–169; Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2023].

Цель статьи — представить наблюдения о таких разноречивых явлениях, как сохраняющаяся в восприятии горожан важность заводов и тенденции креативности и туризма, которые мы рассматриваем как признаки наступающей постиндустриальности³.

Используемая теоретическая рамка отсылает к подходу производства пространства А. Лефевра и понятию маргинального пространства.

«Власть заводов»

Заводы мы рассматриваем как центральный символ, «оплот» индустриальности⁴, парадоксальным образом сохраняющий позиции и поныне. Интрига в том, какие именно позиции и каким образом воспроизводимые? Как показывают наши материалы, заводы продолжают считаться смыслообразующим основанием существования многих небольших городов, независимо от экономического состояния конкретного предприятия: и там, где оно продолжает работать, как в Качканаре, Сатке, Серове или Медногорске, и там, где производство серьезно сокращено, как в Каслях, Краснотурьинске или Ирбите, и там, где оно вообще ликвидировано, как в Алапаевске, Данилове или Петровске-Забайкальском⁵.

Подобные представления характерны для людей разного возраста, что убедительно демонстрируют групповые дискуссии и интервью, в ходе которых информанты рисовали ментальные карты. Завод, или, в случае Добрянки, ГРЭС, занимает левый верхний угол на рисунках и 57-летнего мужчины, и 17-летней девушки (рис. 1 и 2)⁶.

Правда, «знак» может радикально различаться, от сугубо положительного до резко отрицательного. Представители старшего поколения в связи с заводом ожидаемо упоминают производственные мощности и «градосодержащую» (показательная оговорка одной из информанток) роль предприятия, окутывая его теплотой личной причастности.

В Данилове Завод деревообрабатывающих станков, вокруг которого в позднесоветское время вырос целый район, прекратил свое существование. Работавшая на нем когда-то женщина описывает его со словами: «Завод. *Мой любимый, драгоценный*», поясняя: «*и директор был хороший*», и сама она получила там квартиру, и для города завод построил и бассейн, и профилакторий.

³ Зачастую городские районы развиваются неравномерно, одновременно переживая и преиндустриализацию, и индустриализацию, и постиндустриализацию [Пасека, Филипповски, 2015: 18].

⁴ Будучи системным явлением, индустриальность пронизывает все подсистемы общества, находя выражение и в таких, на первый взгляд, далеких от «завода» стезях, как социальная память (чему так или иначе посвящены все вышеуказанные наши исследования) или «индустриальная структура чувств» [Vanke, 2024], однако развитие этой темы выходит за рамки статьи.

⁵ Характеристики упомянутых в статье городов см. в Приложении 1.

⁶ Для ментальных карт и выдержек из интервью использован шифр, первые буквы которого означают город (Дб — Добрянка, Кч — Качканар и т. д.), далее большой буквой обозначен пол информанта (Ж — женский, М — мужской), цифрами — возраст. Например, (ДбМ57) — житель Добрянки, мужчина 57 лет. Для групповых дискуссий вместо возраста указано: Ш — школа, порядковый номер и класс.

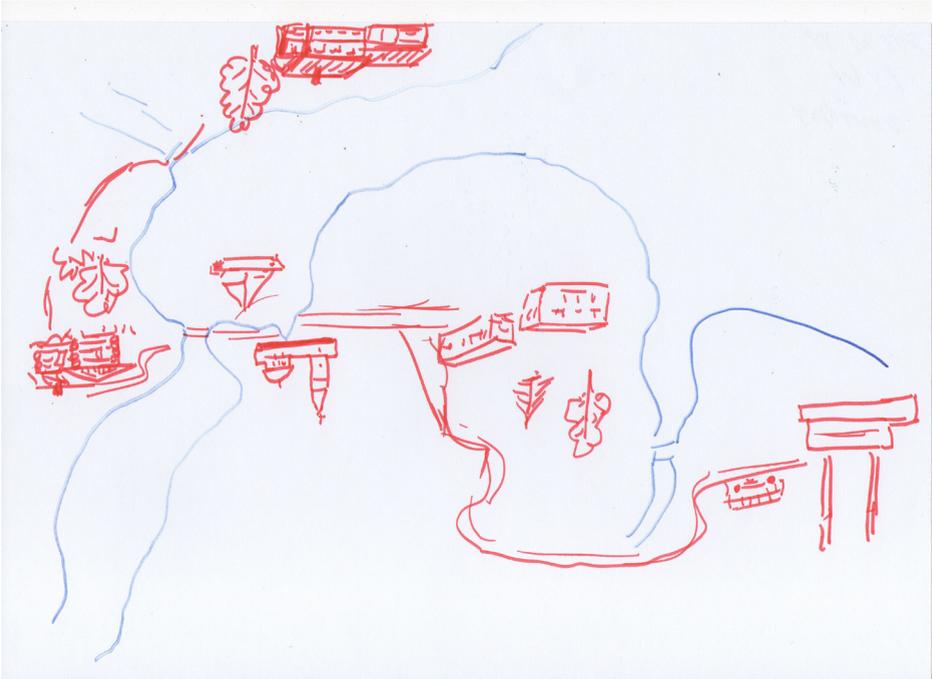

Рисунок 1. ГЭС на ментальной карте Добрянки (Д6М57)

Рисунок 2. ГЭС на ментальной карте Добрянки (Д6Ж17)

«Где-то в 80-м», вспоминает она, на заводе был занят каждый десятый житель города (ДнЖ67). Распространенность профзаболеваний, от одного из которых умер и ее муж, никак не нарушает этой благой картины.

15–16-летние жители г. Алапаевска, где большая часть заводов закрыта, с готовностью воспроизводят хорошо знакомый им дискурс, считая промышленные предприятия неотъемлемой частью городской идентичности и источником рабочих мест по имеющимся, что важно, у горожан специальностям [Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2022: 76]. Составленные в ходе групповых дискуссий «капсулы времени» экстраполируют заводы и в будущее:

«Я надеюсь, что спустя 100 лет Алапаевск процветает. Появились рабочие места, построено много заводов» (АЖШ2/10).

Отличие города с работающим предприятием только в том, что залогом процветания в воображаемом будущем видятся не новые заводы, а все та же ГРЭС, как в Добрянке:

«Надеюсь, что вы живете в процветающем развитом городе, у вас достроили дом культуры, ГРЭС все так же отлично работает, а в городе проводятся интересные мероприятия» (ДБЖШ10–11).

Продолжая «все так же отлично работать» и сто лет спустя, предприятие обеспечивает понятную и надежную картину будущего как продолженного настоящего⁷, блокируя его тревожную неопределенность и непредставимость.

Изменившийся порядок индустриальности

На протяжении жизни одного поколения кардинально изменился сам социальный порядок индустриальности — система отношений, составляющая ее суть. Из сложного комплекса таких изменений остановимся на двух, наиболее ощутимых в наших материалах.

Во-первых, это социальные эффекты от смены типа собственности. Сохранившиеся с советских времен (а порой и с досоветских, как в случае металлургического завода в Серове) крупные предприятия ныне работают чаще всего в составе больших корпораций и как будто уже не принадлежат городу. С учетом того, насколько сильной остается «локально-заводская идентичность» [Витковская, Назукина, 2018; Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2022: 37, 77], болезненно значимой оказывается и эта поселившаяся в ней

⁷ «Будущее как продолженное настоящее» — вариант лумановской «технологической» схемы будущего, «которое не может наступить» [Luhmann, 1976], в связи с «капсулами времени» см. [Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2023].

большая червоточина воспринимаемого отчуждения физически остающегося здесь производства.

В качестве иллюстрации приведем Качканар — классический, модельный моногород, построенный на рубеже 1950–1960-х одновременно с горно-обогатительным комбинатом (ГОК). Раньше, как говорят старожилы, *«мы были все причастны»* к жизни предприятия (КчЖ73)⁸, от мала до велика:

«Пацаны вырастают, видя, как работают их родители, как работают окружающие люди <...>. То есть ты хочешь на машине — ты прокатаешься на машине, ты хочешь на тепловозе — ты прокатаешься на тепловозе. Тебе интересен бульдозер — машинист бульдозера тебя рядом с собой посадит <...> и рычаги даст подержать» (КчМ67).

Единение с комбинатом проявлялось обоюдно: ГОК, построенный руками горожан, заботился о городе, а горожанам хотелось там работать, и все для этого было устроено: после школы *«заканчивали восемьдесят седьмой ГПТУ, <...> поступали в комбинат»* (КчЖ45). Сейчас же, резюмирует жительница Качканара, *«это потеря... все. Мы не можем детей устроить своих»* (КчЖ45). Ощущение причастности утрачено, молодежь не хочет идти на комбинат, а желающим сложно туда устроиться.

Разумеется, это не единовременная и абсолютная перемена — дискурс связи города и основного предприятия в небольших поселениях, особенно монопрофильных, остается довольно сильным, однако люди явственно ощущают все новые и новые признаки размывания этой связности. Если раньше, как замечают качканарцы старшего возраста, пенсионеры приходили в цех на День пожилого человека (*«пирогі заказывали в столовой и угощали их чаем»*), то теперь:

«...даже неохота идти. Говорят, <...> что там они это [передовое] знамя <...> вместо шторки сделали» (КчЖ72).

Вместо полнокровной жизни сейчас только *«все работают — и всё, [идет] «выкачивание прибыли и [нрзб] на счет коллектива разделение, разделяй и властвуй»* (КчЖ72, КчЖ45).

Во-вторых, и сами по себе заводы-гиганты начинают казаться архаичными. Они по-прежнему представляются привлекательным местом работы, символизировав не только надежность, но и непрестижность, как объяснили нам в Златоусте. Престижным же считается работать у бизнесменов, где меньше

⁸ Даже не работавшие в ГОКе *«знали всю технологию на производстве»* (КчЖ73). С особым чувством вспоминают «единение», когда утром *«целые потоки шли в одном направлении»* на работу; подобное единение (информантка с нажимом повторяет это слово) связывают и с кинотеатром «Юность»: *«сколько народу, два зала: один выходит, другой заходит — это те толпы»* (КчЖ73). О легендарном к/т «Юность»: [Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016: 165–166]; в настоящее время в здании к/т располагается продуктовый магазин.

бюрократии, «*платят хорошую зарплату*» и заботятся о сотрудниках. А старые «*Машзавод, Метзавод — они все-таки немного тяготеют к <...> советскому стилю управления*» (ЗлЖ27). При этом стиль управления произведен от типа и величины предприятия, воспринимаемых уже не как мощь, но как источник инерции — в отношении и завода, и людей:

«Ну, возможно, заводы подстроятся со временем. Все-таки это громадины и махины. Не так просто им перестроиться. Ну, и к тому же <...> там очень много пожилых людей работает. Ну, может быть, не пожилых, но очень прилично в возрасте, которым очень трудно перебороть себя и сделать как-то по-новому, непривычно» (ЗлЖ27).

В глазах учащейся молодежи тема завода практически полностью теряет свой сакральный оттенок. Признавая, что заводы дают городу рабочие места, участники групповых дискуссий подчеркивают урон, наносимый экологии. В промышленных городах он повседневно ощутим в виде характерного запаха, «*розового смога*», «*красного дыма*» из трубы, по выражению студентки одного из колледжей г. Сатка.

Ответы на экологические вызовы можно условно разделить на два типа: компромиссный и радикальный. Оба типа легко уживаются в одном городе. Компромиссный ответ состоит в том, чтобы усовершенствовать промышленные предприятия, без которых многие информанты не мыслят свой город. Его хорошо выражают послания в будущее студентов серовских профессиональных образовательных учреждений:

«Перестройте (переоборудуйте) завод по новым стандартам в особенности экологии, восстановите старые предприятия, переоборудуйте тепловые электростанции на экологически чистые типы энергии» (СрМ18, металлургический техникум).

«Я надеюсь, что придумали (изобрели) фильтры, очищающие воздух, и помогающие заводу меньше загрязнять окружающую среду» (СрЖ18, педагогический колледж).

Радикальный ответ базируется на несовместимости индустриальной деятельности и здоровой экологии. 11-классница одной из серовских школ советуется потомкам:

«Не живите на „Сортировке“, либо разрушайте дома там, воздух отравлен и несет отриц. воздействие на вас» (СрЖШ1/11).

Ее ментальная карта изображает простертый над деревьями почти без листвы заводской дым и грустных людей с черным цветком в руке (рис. 3).

Рисунок 3. Серов на ментальной карте 11-классницы (СрЖШ1/11)

Если решение этой девушки заключается в том, чтобы убрать селитьбу, то ее ровесник из другой школы предлагает еще более радикальный вариант — «снести заводы»:

«Не открывайте окна на ночь, а не то задохнетесь. Снесите заводы и живите спокойно. Следите за экологией» (СрМШ2/11).

Буксующая маргинальность

Закрывшиеся промышленные предприятия продолжают существовать в ментальном облике города. В происходящем видят прямое продолжение их, теперь незавидной, судьбы. Помещения в центре города имеют шанс на перепрофилирование, обычно под торговые площади. Местные жители воспринимают это как безусловное угасание, когда и здание, и люди просто доживают свой век:

«Здесь вот была такая громадная швейная фабрика в советское время. Сейчас здесь торговый центр. <...> Работа здесь — это, конечно, не очень благодарная работа, потому что в этом здании очень плохая вентиляция. <...> Здесь очень много пенсионеров работает» (ЗлЖ27).

Подобным образом эта жительница Златоуста характеризует и другое предприятие, которое «уже не функционирует, <...> сдает лишь территории свои»,

что означает не по-новому производимое пространство, а «жизнь после смерти» прежнего субъекта — «один из тех заводов, которые уже умерли» (ЗлЖ27).

Ностальгическая привязанность, понимание пространства как исключительно заводского (а всех попыток перепрофилирования — как сугубо временных, в ожидании возврата исконного предназначения) питают затянувшуюся маргинальность.

Под маргинальными мы понимаем такие пространства, которые свою прежнюю функцию (а зачастую и облик) утратили, а устойчивую новую не обрели. Тем самым, они находятся в пограничной зоне как по функционалу, так и по статусу, и по ценностно-нормативному порядку. По сути, утрата прежнего положения и отсутствие нового означают аномию — в данном случае применительно к производству того или иного пространства. Замершие в ожидании следующего состояния (функционала, статуса, порядка), такие пространства обладают потенциально высокой изменчивостью. С другой стороны, находясь в подвешенном состоянии, они словно выпали из времени, зависли на неопределенный срок и с неясными перспективами. Как отмечают Дмитрий Тимошкин и Дарья Пчелкина, «По аналогии с социальной маргинальностью, переходным состоянием между разными социальными категориями, маргинальные пространства оказываются на границе между разными состояниями городской среды, между различными коллективными и индивидуальными проектами ее прошлого и будущего» [Тимошкин, Пчелкина, 2021: 56].

В качестве таких пространств в отечественной практике изучаются дворы, частный сектор, гаражи, неформальные рынки и т. п. [Бляхер, Иванова, Ковалевский, 2021; Тимошкин, Григоричев, 2018; Тимошкин, Пчелкина, 2021; Ковалевский, 2022; Григоричев, Дятлов, Тимошкин, 2023]. В нашем случае предметом интереса являются закрытые заводы. В отличие от Леонида Бляхера, Алины Ивановой и Андрея Ковалевского, мы не считаем маргинальные пространства невидимыми — они «оформлены в публичном пространстве» и «порождают дискурс самопрезентации» [Бляхер, Иванова, Ковалевский, 2021: 151–152], то есть опознаются, называются и предъясняются именно как бывшие заводские. В таком «длении» остаточной идентичности пространства в очередной раз проявляется «власть заводов», согласно нашему исходному тезису.

Траектория изменений может быть разной. Довольно благоприятный вариант — это выход из подвешенного состояния за счет обретения новой идентичности или восстановления некогда утраченной первоначальной. Мужской монастырь в г. Далматово, где в советский период размещался завод, после передислокации которого пребывавший в заброшенном состоянии, ныне успешно восстанавливается в рамках федеральной программы.

Во многих других случаях в городах, где мы проводили исследования, территории остановленных заводов пребывают в запустении. Такие места, как заметил Ливиу Келча (правда, применительно к столичному Бухаресту, а не к малым городам), сопротивляются описанию в терминах «возврата к природе», «девелопмента недвижимости», «индустриального наследия», «креативных индустрий» или «курируемых руин», которые обычно применяют к постиндустриальным местам по всему миру [Chelsea, 2015]. Скорее,

по мысли Элис Ма, подобные локации находятся на пограничье, на полпути от индустриального пространства к пространству потребления, с еще «живой памятью» об индустриальном прошлом [Ма, 2010: 401–402; Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2022: 47–48].

В концептуализации маргинальности продуктивным для нас оказалось обращение к исследованиям «оставленных мест» (“left behind places”). Это понятие вошло в обиход после глобального финансового кризиса 2008 года как способ осмысления посредством пространственного воображения маргинальных, переживающих упадок мест [Pike et al.

С легкой руки Андреса Родригеса-Посе для обозначения такого рода территорий появилось еще одно хлесткое выражение — «места, которые не имеют значения» (“the places that don’t matter”) [Rodríguez-Pose et al., 2023]. Такие места определяются не только извне (показателями экономического упадка), но также, что стоит особо подчеркнуть, изнутри — ощущением безнадёжности, отсутствия будущего.

В нашем случае масштаб оставленных, не имеющих значения мест — это масштаб отдельного предприятия в небольшом городе, но для него точно так же справедлив ключевой акцент данного подхода — восприятие упадка с точки зрения его продолжительности и (не)обратимости. В изучаемых городах состояние упадка наступило не так давно — люди живо помнят лучшие времена, — но длится достаточно долго, чтобы ощущения «безбудущности» успели укорениться. Остановленный более двадцати лет назад (в 2001 году) металлургический завод в Петровске-Забайкальском остается незаживающей раной («это наша, так сказать, городская рана» (ПЗМ35)). Ситуацию усугубляет расположение руин в ложбине между сопками, откуда они видны как на ладони и постоянно теребят рану.

Остановка и закрытие заводов приводят к появлению «незавершенных», маргинальных пространств, прежние смыслы которых перестали быть актуальными, а новые так и не возникли. В небольших городах подобные пространства приобретают особое значение, напоминая о конце стабильного прошлого, идеализируемой советской эпохи. Утрата могла бы обещать обретения в будущем, но буксующая маргинальность иссушает потенциал возможного возрождения [Прямикова, Вандышев, Веселкова, 2020; Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2022: 48–49].

И конкретному пространству, и городу в целом словно не хватает решимости сделать шаг к переозначиванию — столь трудному, поскольку речь идет о ломке «собственной логики города» [Беркинг, Лёв, 2017], его, в зиммелевском смысле, судьбы [Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2019].

Креативность и туризм

Выдающийся пример радикального переизобретения (посредством креативной экономики) представляет собой немецкая шахта Цольферайн. Его особая значимость состоит в заранее разработанной стратегии: с 1986 года,

одновременно с закрытием шахты, а потом и завода, их планомерно готовили под постиндустриальное использование, оберегая от разрушения [Пасека, Филипковски, 2015: 14–15]. В 2001 году, когда останавливался петровск-забайкальский завод, угольно-промышленный комплекс Цольферайн вошел в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, а к 2010 году там заработал Рурский музей, бизнес-инкубаторы, большой парк с бассейном, катком, ресторанами и кафе [Кравцова, 2012; Пасека, Филипковски, 2015: 14–16; Ермакова, Суховская, 2017: 102–104].

В шахтерском городе Инта, где мы были вскоре после закрытия последней шахты, многие высказывали пожелание о создании музея шахтерского дела. В городе уже имелся небольшой сквер шахтерской славы с образцами техники, а в краеведческом музее — небольшая тематическая экспозиция, однако о музеефикации и культурном перекодировании производственных территорий, пусть и не в масштабах Цольферайна, речи не шло. Более того, никто не мог сказать ничего определенного о судьбе музея, ранее существовавшего в одном из шахтных поселков.

На вопрос, как быть с угасающей индустриальностью, существует два принципиально разных ответа: реиндустриализация и деиндустриализация. Все города наших исследований ставят на первый вариант. На работающих предприятиях совершенствуют технологии, корпоративную культуру, работают над брендингом. При закрытии завода главное желание — заменить его чем-то аналогичным по типу производства и, главное, по градообразующей, патерналистской роли в отношении города. Судьбу креативного кластера никто на себя не примеряет.

Тем не менее ростки «креатива» все-таки появляются. В зависимости от состояния предприятия мы выделяем «креатив на руинах» и «креатив без руин».

«Креатив на руинах»

Пожалуй, наиболее близкий (пост)индустриальной тематике вариант эстетизации (индустриальных) руин представлен деятельностью ВК-сообщества «Эстетика е*ней» (ЭЕ). В 2024 году ЭЕ отмечает десятилетие и успело стать объектом научного анализа [Чумакова, 2018; Претер, 2023]. Само же словосочетание является популярным хештегом Рунета с начала 2010-х годов [Киклевич, 2020]. Под концепцию ЭЕ («Романтика городских окраин | захватывающие миры е*ней и промзон») подпали и непарадные виды одного из исследуемых нами городов — Сатки, а именно останки к/т «Металлург» и панорама частного сектора с терриконом на заднем плане⁹.

Демонстрацию подобных видов можно определить как постиндустриальный декаданс, переживание и проживание распада индустриальной эпохи. В Петровске-Забайкальском руины завода стали сценой посвященного Великой Отечественной войне клипа «Земля родная, помни нас...», снятого

⁹ Публикация. Фото // Группа ВКонтакте «ЭЕ». URL: https://vk.com/yebenya?from=search&z=photo-69563163_457745066%2Fwall-69563163_1668215 (дата обращения: 21.05.2024).

местным клубом военно-исторической реконструкции «Забайкальский фронт» в 2023 году был создан уже часовой документальный фильм с игровыми сценами, одна из которых (об участнике войны петровчанине Петре Гладких) также снималась в развалинах завода¹⁰.

«Креатив без руин»

«Руина» — так называется открытое арт-пространство неподалеку от Дворца культуры в Сатке, созданное в 2017 году на месте снесенного дома (рис. 4). «Руину» придумали в рамках архитектурного фестиваля «Моя Сатка» и используют для уличных фотовыставок. Как таковых руин здесь уже нет, так что этот пример можно считать переходным между типами «креатива на руинах» и «креатива без руин».

Рисунок 4. Арт-пространство «Руина» в Сатке. Сентябрь 2019

В наблюдаемых нами локациях такая креативность запускается, как правило, сверху и извне, далеко не всегда сразу встречая поддержку местного населения. Если «Руина» (креатура московского архитектурного бюро «Контора») как будто прижилась, то сад камней, устроенный в той же Сатке в 2023 году на месте снесенного к/т «Спутник», вызвал у горожан массу

¹⁰ Фильм «Земля родная помни нас» // Канал «Дмитрий Головин» YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=bHrd7z2qYdU&ab_channel=%D0%94%D0%BC%D0%B8%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%B9%D0%93%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BD (дата обращения: 20.05.2024). Автор сценария и режиссер Д. Головин.

негативных откликов¹¹. Надо сказать, что и в отношении классической музыки, как нам рассказывали в администрации, саткинцы поначалу не испытывали энтузиазма, однако в 2019 году музыкальный фестиваль «Кармен» памяти Елены Образцовой в День металлурга прошел с большим воодушевлением. На сегодняшний день фестивальный формат не используется, но после международного “Satka Street Art Fest” 2017–2019 годов в городе остались интересные муралы, информанты с удовольствием рассказывали о них [Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2022: 54–59]:

«“Satka Street Art Fest” — приглашают людей из разных стран, художников, архитекторов, они как бы преображают город. Если сравнить Сатку с каким-то другим городом, например Троицком, Сатка значительно ярче, намного» (СтЖШ2/10).

«Лет десять назад ничего в Сатке не было. Он был такой пасмурный, такой средний себе город. Когда появились... когда выиграли этот проект... На Сатку стало приятно посмотреть» (СтЖШ2/10).

Среди немногих примеров инициатив, идущих снизу, — борьба за спасение дворянской усадьбы в Пущино:

«Если мы это не сделаем, не сделает никто <...>. Мы к себе притягиваем жителей города, включаем их в работы по усадьбе, причем в комфортных вариантах. <...> Сейчас на самом деле уже четыре формата экскурсионных по городу, то есть три связанные с усадьбой <...>. Мы использовали средства массовой информации, у нас за три года, не знаю, наверно, штук 15 интервью на центральных каналах» (ПцЖ48).

Туризм оценивается жителями положительно, если эта сфера уже поступательно развивается, но при этом работает и промышленность, как в Златоусте. В «капсуле времени» студентка колледжа предлагает «сделать больше мест для туристов» (ЗлЖ18К), а один из информантов подробно оценивает перспективы развития города в зависимости от туристических ресурсов (эта тема возникла в ходе интервью, специальных вопросов о туризме в гайде не было). Первый ресурс — природный:

«Очень много иностранцев в нашем городе, приезжает, прям можно реально встретить, вот итальянцы здесь постоянно находятся. Ну, китайцы, и так далее, близлежащие, тоже периодически приезжают, но вот именно с той, с Европы, очень много гостей. Потому что у нас национальный парк „Таганай“ есть, у нас тут стадионы, у нас озера

¹¹ Новость о создании сада камней собрала 174 комментария, в подавляющем большинстве негативных. Фотофакт // Говорит Сатка. URL: https://vk.com/wall-97709937_105703?w=wall-97709937_105703 (дата обращения: 20.05.2024).

здесь рядом красивейшие, и туристы как бы поток идет. Люди, все равно как бы бизнес-люди, они развивают эти направления туристические» (ЗлМ30).

Второй ресурс — наследие города, производство холодного оружия: прежнего большого завода уже нет, но работает несколько оружейных фабрик.

Если раньше «основой города», по выражению информанта, служили металлургия и машиностроение, то сегодня такой основой становится именно туризм, поэтому *«промышленность как таковую надо отсюда по максимуму убрать и сделать здесь именно вот культурное там какое-то достояние, и туризм развивать»*. Главным препятствием наш собеседник считает недостаток капиталовложений, пока что туристы видят *«разруху в плане дорог, мусор, грязь»* (ЗлМ30).

Скептические оценки туризма как постиндустриального драйвера развития присущи поселениям, где при набирающей обороты деиндустриализации туризм еще не проявил себя, такую картину мы наблюдали в Алапаевске. Имея богатый задел в виде музея и маршрута по узкоколейной дороге, дома-музея Чайковского и т. п., а также большие планы на Царские дни (в 2018 году отмечалось столетие трагической гибели в Алапаевске членов царской семьи и их приближенных), на момент проведения исследования в современном развитии туризма город делал только первые шаги.

«На туризме долго не протянешь» — это высказывание алапаевского школьника вызвало поддержку его одноклассников:

«М: Нужно новые достопримечательности, наверно, открывать, заводы восстанавливать и рабочие места новые давать людям.

Модератор: То есть без завода все равно вариантов нет развития?

М: Ну, у нас на этом город строился, то есть завод, он держался.

Ж: Заводы обеспечивают основные рабочие места для людей. У нас очень много людей, которые имеют такие профессии, потому что они были очень востребованы в свое время, и сейчас им просто негде работать. И люди пытаются как-то неофициально, что-то, куда-то уезжают. И многие семьи из-за этого разрушаются... Если бы у нас были заводы, которые обеспечивали бы большее количество мест, много чего изменилось бы (АлШ2/10) [Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2022: 76].

У туризма практически нет шансов пробиться сквозь дискурс «власти заводов» в суждениях юных алапаевцев. Позитивную же оценку потенциала туризма в Алапаевске мы услышали из уст представительницы старшего поколения:

«В нашем городе можно было бы настолько так развить туризм, что ну вот это было бы вообще здорово! <...> От центра самое-самое интересное — сделать вот это вот место, часть этой улицы

пешеходной, потому что там <...> собор, мечеть, памятник Елизавете Федоровне, дом Чайковского. <...> Летом какие-то даже там фотовыставки, еще что-то — ну много чего можно придумать. <...> Перспективу вижу только в туризме!» (АлЖ59).

Алапаевские данные если не полностью опровергают, то выразительно размывают возрастную предопределенность в распространении «власти заводов»: старшее поколение не обязательно «хранит верность» бывшему предприятию, а молодые далеко не всегда разделяют энтузиазм в отношении внеиндустриальных — а подчас и вообще хоть каких-то — перспектив для своего города.

Заключение

Изменившийся порядок индустриальности, экологические тревоги подтачивают «власть заводов». Социальный порядок стал другим, город и завод не составляют единое целое — предприятие чаще всего принадлежит большой компании со штаб-квартирой где-то далеко. Большие предприятия не пользуются популярностью у молодежи, завершающей обучение в школах и даже в колледжах. Тем не менее «власть заводов» остается глубоко укорененной в социальной памяти горожан разных поколений — и там, где завод продолжает работать, и там, где производство серьезно сокращено, и там, где оно ликвидировано.

Буксующая маргинальность характерна для многих малых городов. Зброшенные индустриальные зоны имеют больше шансов стать местом памяти, используемым в качестве съемочной площадки, нежели вновь функционирующим предприятием в результате реиндустриализации. Реиндустриализация желанна, но в ряде городов существует только в виде постепенно угасающих надежд населения.

На этом фоне проявления деиндустриализации — креативные индустрии и туризм, — как бы странно это ни звучало, наиболее успешно реализуются при наличии работающих предприятий, которые могут финансировать различные креативные проекты, создавая тем самым точки притяжения в городском пространстве.

Постиндустриальное проявляет себя в повышении требований к безопасности рабочих мест, защите экологии и благоустройству городской среды, комфорту и доступу к различным ресурсам. Проявления индустриальности, однако, просвечивают там и здесь, а то и выпирают, как останки давно затопленного добрянского завода. Местные жители воспринимают оставленные заводом пространства не как возможность чего-то нового, но как «бывший завод». Такие проверенные шаги, как развитие креативных индустрий и туризма, хотя и пробивают постепенно дорогу, пока не могут переломить ситуацию.

Литература / References

Беркинз Х., Лёв М. Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Berking H., Lyov M. (2017) *Sobstvennaya logika gorodov: Novye podhody v urbanistike* [Cities' Own Logic: New Approaches in Urbanism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Бляхер Л. Е., Иванова А. П., Ковалевский А. В. «Пустые пространства» и их обитатели в городах Дальнего Востока России (на примере города Хабаровска) // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Т. 30. № 3. С. 150–173. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-3-150-173> EDN: MXPLMS

Bliakher L. E., Ivanova A. P., Kovalevsky A. V. (2021) "Empty Spaces" and Their Inhabitants in Far Eastern Russian Cities: The Case of Khabarovsk. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Sociology. Sociology. Ethnology]. Vol. 30. No. 3. P. 150–173. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-3-150-173>

Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Индустриальная память: масштабы и множественность. Е.: Издательство Уральского университета, 2022. EDN: CMCGLL

Vandyshev M. N., Veselkova N. V., Pryamikova E. V. (2022) *Industrialnaya pamyat: masshtaby i mnozhestvennost* [Industrial Memory: Scale and Multiplicity]. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universita. (In Russ.)

Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Малые и средние города Урала: индустриальность как судьба // Пути России. Границы политики / Под общ. ред. М. Г. Пугачевой. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. С. 172–187. EDN: FGASLP

Vandyshev M. N., Veselkova N. V., Pryamikova E. V. (2019) *Malye i srednie goroda Urala: industrialnost kak sudba* [Small and Medium-sized Townes of the Urals: Industrialization as Destiny] In: M. G. Pugacheva (ed.) *Puti Rossii. Granicy politiki* [The Ways of Russia. The Boundaries of Politics]. Moscow: Izd. dom "Delo" RANHiGS. P. 172–187. (In Russ.)

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н. и др. (Моно)город в движении. Опыт исследования мобильных. Е.: Издательство Уральского университета, 2024.

Veselkova N. V., Vandyshev M. N. et al. (2024) *(Mono)gorod v dvizhenii. Opyt issledovaniya mobilnostej* [(Mono)City in Motion. Experience in Mobility Research]. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. (In Russ.)

Веселкова Н., Вандышев М., Прямикова Е. Продолженное настоящее: капсулы времени как социальная практика и метод исследования // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2023. Т. 15. № 1. С. 4–32. DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2023-15-1-4-32> EDN: OEAIBQ

Veselkova N., Vandyshev M., Pryamikova E. (2023) The Continued Present: Time Capsules as a Social Practice and Research Method. *Laboratorium: zhurnal socialnyh issledovanij* [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. Vol. 15. No. 1. P. 4–32. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2023-15-1-4-32>

Веселкова Н. В., Граматчикова Н. Б., Енина Л. В., Прямикова Е. В. Мечты и память: нарративные ландшафты небольшого советского города. Е.; М.: Кабинетный ученый, 2022.

Veselkova N. V., Gramatchikova N. B., Enina L. V., Pryamikova E. V. (2022) *Mechty i pamyat: narativnye landshafty nebolshogo sovetskogo goroda* [Dreams and Memory: Narrative Landscapes of a Small Soviet City]. Ekaterinburg; Moscow: Kabinetnyj uchenyj. (In Russ.)

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Места памяти в молодых городах. Е.: Издательство Уральского университета, 2016.

Veselkova N. V., Pryamikova E. V., Vandyshev M. N. (2016) *Mesta pamyati v molodyh gorodah* [Places of Memory in Young Towns]. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. (In Russ.)

Витковская Т. Б., Назукина М. В. Промышленные города Урала: специфика локальной идентичности и политических практик // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 3. С. 148–165. DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2018-3-148-165> EDN: YBJFSX

Vitkovskaya T. B., Nazukina M. V. (2018) Industrial Cities of the Urals: Specificity of Local Identity and Political Practices. *Vestnik Permskogo universita. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science]. No. 3. P. 148–165. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2018-3-148-165>

Григоричев К. В., Дятлов В. И., Тимошкин Д. О. «Частный сектор»: не-городские пространства и сообщества российского города. И.: Издательство «Оттиск», 2023. EDN: UQUIIY

Grigorichev K. V., Dyatlov V. I., Timoshkin D. O. (2023) "Chastnyj sektor": ne-gorodskie prostranstva i soobshchestva rossijskogo goroda ["Private Sector": Non-urban Spaces and Communities of the Russian City]. Irkutsk: Izdatelstvo "Ottisk". (In Russ.)

Ермакова Л. И., Суховская Д. Н. Роль креативных пространств в городском развитии (на примере провинциальных регионов Германии и Италии) // International Communication, Education, Language and Social. O.: Scientific Public Organization «Professional Science», 2017. P. 100–106. EDN: YRDSHQ

Ermakova L. I., Suhovskaya D. N. (2017) The Role of Creative Spaces in Urban Development (On the Example of the Provincial Regions of Germany and Italy). In: *International Communication, Education, Language and Social Science*. Oslo: Scientific Public Organization "Professional Science". P. 100–106. (In Russ.)

Киклевич А. К. Эстетический аспект воздействия СМИ (на примере журналистики и Интернета) // Филологические науки. 2021. № 1. С. 16–24. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.016> EDN: XSBEIP

Kiklewicz A. K. (2021) Aesthetic Aspect of Media Influence (on the Example of Journalism and Internet). *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences]. No. 1. P. 16–24. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.016>

Кравцова Л. А. Музеефикация как форма актуализации наследия угольной отрасли в европейских странах // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 4. С. 13–16. EDN: PCTGYD

Kravtsova L. A. (2012) Museumification as a Form of Actualization of the Coal Industry Heritage in the European Countries. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education]. No. 4. P. 13–16. (In Russ.)

Ковалевский А. В. Город вообще и город в России: особенности моделирования социального пространства (кейс г. Хабаровска) // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР / Отв. ред. А. В. Винокурова, Е. Ю. Костина. В.: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2022. С. 79–83. EDN: EBLYBQ

Kovalevskij A. V. (2022) *Gorod voobshche i gorod v Rossii: osobennosti modelirovaniya social'nogo prostranstva (kejs g. Habarovska)* [The City in General and the City in Russia: Peculiarities of Modeling Social Space (Case Study of Khabarovsk)]. In: A. V. Vinokurova, E. Yu. Kostina (eds.) *Problemy modelirovaniya socialnyh processov: Rossiya i strany ATR* [Problems of Modeling Social Processes: Russia and the Asia-Pacific Countries]. Vladivostok: Izdatelstvo Dalnevostochnogo federalnogo universiteta. P. 79–83. (In Russ.)

Пасека А., Филипповски П. Антропологические упражнения в постиндустриальной рефлексии // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2015. № 3. С. 14–24.

Paseka A., Filipkovski P. (2015) Anthropological Exercises in Post-industrial Reflection. *Laboratorium: Zhurnal socialnyh issledovanij* [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. No. 3. P. 14–24. (In Russ.)

Претер В. П. В центре циклона: Инструменты Маршала Маклюэна для анализа медиасред. М.: Издательство ВШЭ, 2023. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1797-0> EDN: RBRFVP

Preter V.P. (2023) *V centre ciklona: Instrumenty Marshala Maklyuena dlya analiza mediasred* [In the Center of a Cyclone: Marshall McLuhan's Instruments for Media Environments Analysis]. Moscow: Izdatelstvo VShE. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1797-0>

Прямыкова Е. В., Вандышев М. Н., Веселкова Н. В. (Де)индустриализация малых и средних городов Урала: опыт мультискалярного анализа // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов / Отв. ред. В. А. Мансуров. М.: Российское общество социологов, 2020. С. 5503–5510. DOI: <https://doi.org/10.19181/kongress.2020.645> EDN: JLOLZN

Pryamikova E.V., Vandyshev M.N., Veselkova N.V. (2020) (De)industrializatsiya malyh i srednih gorodov Urala: opyt multiskalyarnogo analiza [(De)Industrialization of Small and Medium-Sized Towns of the Urals: The Experience of Multiscalar Analysis]. In: V.A. Mansurov (ed.) *Sociologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v socialnom razvitiy regionov* [Sociology and Society: Traditions and Innovations in the Social Development of Regions]. Moscow: Rossijskoe obshchestvo sociologov. P. 5503–5510. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/kongress.2020.645>

Тимошкин Д. О., Пчелкина Д. С. Уязвимый архаизм: облик маргинальных пространств Красноярска // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 56–66. DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2021-1/56-66> EDN: PIFWWW

Timoshkin D.O., Pchelkina D.S. (2021) Vulnerable Archaism: The Visual Nature of “Frontier” Urban Spaces in Krasnoyarsk. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Ojkumena. Regional Research]. No. 1. P. 56–66. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2021-1/56-66>

Тимошкин Д., Григоричев К. «Не-место» вне времени: неопределенность как специфика существования локальностей постсоветского города (на примере Иркутска) // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 118–140. DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-39-118-140> EDN: YRVQST

Timoshkin D., Grigorichev K. (2018) “Non-Place” beyond Time: Uncertainty as the Specificity of the Existence of a Post-Soviet City Localities (the Case of Irkutsk). *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture]. No. 39. P. 118–140. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-39-118-140>

Чумакова В. П. Эстетика руин в вернакулярной фотографии русскоязычных социальных медиа: постановка проблемы исследования // Наука телевидения. 2018. Т. 14. № 3. С. 74–90. DOI: <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2018-14.3-74-90> EDN: YNGMOD

Chumakova V.P. (2018) The Aesthetics of Ruins in Vernacular Photography in Russian Social Media: Stating the Research Problem. *Nauka televideniya* [The Art and Science of Television]. Vol. 14. No. 3. P. 74–90. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2018-14.3-74-90>

Abaleron C. A. (1995). Marginal Urban Space and Unsatisfied Basic Needs: the Case of San Carlos de Bariloche, Argentina. *Environment and Urbanization*. Vol. 7. No. 1. P. 97–116. DOI: <https://doi.org/10.1177/095624789500700101>

Chelcea L. (2015) Postindustrial Ecologies: Industrial Rubble, Nature and the Limits of Representation. *Parcours Anthropologiques*. No. 10. P. 186–201. DOI: <https://doi.org/10.4000/pa.448>

Luhmann N. (1976) The Future Cannot Begin: Temporal Structures in Modern Society. *Social Research*. Vol. 43. No. 1. P.130–152.

MacKinnon D., Beal V., Leibert T. (2024) Rethinking “Left-behind” Places in a Context of Rising Spatial Inequalities and Political Discontent. *Regional Studies*. Vol. 58. No. 6. DOI: <https://doi.org/10.1080/00343404.2023.2291581>

Mah A. (2010) Memory, Uncertainty and Industrial Ruination: Walker Riverside, Newcastle Upon Tyne. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 34. No. 2. P. 398–413. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2010.00898.x>

Pike A., Béal V., Cauchi-Duval N. et al. (2023) “Left Behind Places”: A Geographical Etymology. *Regional Studies*. Vol. 58. No. 6. P. 1–13. DOI: <http://doi.org/10.1080/00343404.2023.2167972>

Rodríguez-Pose A., Terrero-Dávila J., Lee N. (2023) Left-behind Versus Unequal Places: Interpersonal Inequality, Economic Decline and the Rise of Populism in the USA and Europe. *Journal of Economic Geography*. Vol. 23. No. 5. P. 951–977. DOI: <https://doi.org/10.1093/jeg/lbad005>

Vanke A. (2024) Co-existing Structures of Feeling: Senses and Imaginaries of Industrial Neighbourhoods. *The Sociological Review*. Vol. 72. No. 2. P. 276–300. DOI: <https://doi.org/10.1177/00380261221149540>

Сведения об авторах:

Веселкова Наталья Вадимовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. **E-mail:** vesselkova@yandex.ru. **РИНЦ Author ID:** 287754; **ORCID:** 0000-0002-0855-8901; **ResearcherID:** T-3009-2017.

Прямикова Елена Викторовна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. **E-mail:** pryamikova@yandex.ru. **РИНЦ Author ID:** 416263; **ORCID:** 0000-0002-6783-008X.

Статья поступила в редакцию: 12.06.2024

Принята к публикации: 05.08.2024

БАК: 5.4.1, 5.4.4

.....
The State of Post-Industriality: The “Power of Factories”

DOI: 10.19181/inter.2024.16.3.1

Natalia V. Veselkova *Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia*
E-mail: vesselkova@yandex.ru

Elena V. Pryamikova *Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia*
E-mail: pryamikova@yandex.ru

Post-industrial and industrial today are present in both small and medium-sized Russian towns. In some of them, they continue to operate, but can no longer provide employment for all citizens due to automation and other processes. In some others, businesses have ceased to exist, but abandoned factory spaces are viewed by residents as places where a new factory should appear, that is, exclusively in the context of industrialism. The post-industrial is manifested in the increasing demands of the population for a variety of places of work and leisure, for job security, for the environmental situation, for the comfort of life, and for access to a wide variety of resources. As a result, urban space acquires marginal characteristics: new factories do not

appear, plots of land remain abandoned, tourism and creative projects are present, but are not yet decisive for such settlements.

We use the theoretical frame of space production by A. Lefebvre and the approach of marginal space characteristics. For ten years we have been researching small Russian cities; the article uses materials from 2018–2023, obtained through semi-formalized mobile and stationary interviews, group discussions, observation and photo mapping, mental maps, as well as the “time capsule” technique. The purpose of the article is to present observations about the combination of the following phenomena, such as the continuing “power of factories” and the sprouts of creativity and tourism appearing here and there as signs of post-industriality.

Keywords: industrial; post-industrial; power of factories; ecology; marginality

Authors Bio:

Natalia V. Veselkova — Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia. **E-mail:** vesselkova@yandex.ru. **RSCI Author ID:** 287754; **ORCID:** 0000-0002-0855-8901; **ResearcherID:** T-3009-2017.

Elena V. Pryamikova — Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia. **E-mail:** pryamikova@yandex.ru. **RSCI Author ID:** 416263; **ORCID:** 0000-0002-6783-008X.

Received: 12.06.2024

Accepted: 05.08.2024

Города, данные по которым использованы в статье: основные характеристики

Город	Дата основания / статус города	Население (чел., по данным Росстата) на момент исследования	Основное предприятие (на момент исследования)	Период полевых работ	Эмпирическая база	Шифр
«Масштабирование социальной памяти поколений в городах „старой“ и „новой“ индустриальности» (2018–2020 гг., РФФИ № 18–011–00456)						
Алапеевск, Свердловская область	1639/ 1781	37219 (на 1.01.2019)	нет	Июнь, октябрь 2019	25 интервью, 4 групповые дискуссии в колледжах и школах	Ал
Добрянка, Пермский край	1623/ 1943	32304 (на 1.01.2019)	Пермская ГРЭС (АО «Интер РАО — Электрогенерация»)	Июль, ноябрь 2019	32 интервью, 4 групповые дискуссии в колледжах и школах	Дб
Златоуст, Челябинская область	1754 / 1865	165375 (на 1.01.2019)	нет	Июль, сентябрь 2019	23 интервью, 4 групповые дискуссии в колледжах и школах	Зл
Сатка, Челябинская область	1758/1758	41339 (на 1.01.2019)	Комбинат Магnezит (группа Магnezит)	Июль, сентябрь 2019	21 интервью, 4 дискуссии в школах и колледжах	Ст
Серов, Свердловская область	1893 / 1919	97369 (на 1.01.2018)	Надеждинский металлургический завод (УГМК), АО «Серовский завод ферросплавов» (группа предприятий ЧЭМК)	Июнь, октябрь 2018	33 интервью, 4 дискуссии в школах и колледжах	Ср

Город	Дата основания / статус города	Население (чел., по данным Росстата) на момент исследования	Основное предприятие (на момент исследования)	Период полевых работ	Эмпирическая база	Шифр
«Траектории мобильности трудоспособного населения малых и средних моногородов различного профиля» (2018–2020, РФФИ № 18-011-00457)						
Далматово , Курганская область	1644/1947	12413 (на 1.01.2019)	Старт Далур монастырь	Июль, сентябрь 2019	20 интервью, две групповых дискуссии в колледже, 4 в школах города	Дл
Красноурьинск , Свердловская область	1758/1944	56584 (на 1.01.2019)	Богословский алюминиевый завод (БАЗ, РУСАЛ), производство алюминия остановлено в 2013	Июнь, октябрь 2018, октябрь 2019	52 интервью, 10 групповых дискуссий, две из них в колледжах, восемь в школах	Кр
Первоуральск , Свердловская область	1732/1933	122183 (на 1.01.2019) 120778 (на 1.01.2020)	Первоуральский новотрубный завод (ПНТЗ, группа ЧТПЗ) Динас Хромпик	Май 2018, май, июнь, август, сентябрь 2019, июнь, ноябрь 2020	17 интервью, 4 дискуссии в школах, 4 в колледжах	П

Город	Дата основания / статус города	Население (чел., по данным Росстата) на момент исследования	Основное предприятие (на момент исследования)	Период полевых работ	Эмпирическая база	Шифр
«Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)» (2021–2023, РНФ 21–18–00418)						
Данилов, Ярославская область	1777	14331 (на 1.01.2022)	Даниловский завод деревообрабатывающих станков (ДЗДС), остановлен в 2009	Май 2022	25 интервью, 36 информантов	Дн
Инта, Республика Коми	1932/1954	23701 (на 1.01.2021)	АО «Интауголь», решение о ликвидации 2018	Июнь-июль 2021	22 интервью, 27 информантов	Ин
Качканар, Свердловская область	1957 / 1968	37687 (на 1.01.2021), 36910 (на 1.01.2023)	Качканарский горно-обрабатывающий комбинат (КТОК, Компания ЕВРАЗ)	Июнь 2021, декабрь 2022	25 интервью, 25 информантов, 1 групповая дискуссия старожилов	Кч
Петровск-Забайкальский, Забайкальский край	1789/1926	14 683 (на 1.01.2023)	Петровск-Забайкальский металлургический завод, остановлен в 2001	май 2023	21 интервью, 30 информантов	ПЗ